
ДИСКУРС: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В. М. Акаткин

ПРАВДА ПОБЕДЫ

Великие события прошлого, как и произведения искусства, таят в себе нераскрытые, неокончательные смыслы. Набегающие волны времени то обнажают эти смыслы, наполняя их новым содержанием, то забивают песком и сором, заглушая идущие от них сигналы. Великая Отечественная война и литература о ней давно испытывают удары тяжелых волн...

С каждым новым юбилеем Победы в звучании сводных оркестров заметно менялся музыкальный ключ: от торжествующего мажора к трагическому минору, от праздничного ликования к раздумью и слезам. Рубежным следует назвать 1985 год — 40-летний день Победы. Не надо забывать в этот день о цене победы, напоминать Ю. Нагибин, не надо водить хороводы и похваляться собою. "Не лучше ли серьезно и сосредоточенно подумать о том, так ли мы распорядились победой, как следовало, так ли ладим жизнь, как мечталось в окопах", — рассуждал он. Ибо уважение к живым и павшим, добывшим нам Победу, "требует, чтобы хоть в этот день мы судили свои мирные дела по законам военного времени"¹. Обращаясь к этимологии слова "победа", В. Кругин видел в нем "по-беда", т.е. "событие, происходящее после беды. Огромной беды. И даже победа не перекроет горечь памяти о погибших"². Как видим, акценты заметно сместились в сторону беды.

Правды, беспощадной и окончательной правды о войне, о цене победы и ее последствиях — вот чего требовали от литературы в последние годы писатели, критики и публицисты. "Нашей литературе о войне нужна правда, — писал А. Генатулин, — та самая, по словам поэта, сушая, в душу бьющая, да погуще, как бы она ни была горька. Речь идет не только о реалиях, подробностях фронтового солдатского быта и жестокости боев, речь идет и о правдивом отношении к самой войне"³. Звенящую, порой срывающуюся на фальцет ноту вносит в критическое многоголосье этих лет В. Астафьев, сам участник войны. По его словам, Сталин и Жуков — этот "браконьер русского народа" — "сожгли в огне войны русский народ и Россию".

Однако нам по-прежнему не хватает ни сил, ни ума, ни мужества сказать "о трагедии нашего народа, в том числе о войне всю правду". Астафьев разделяет точку зрения Черчилля, будто "ни одна страна, ни один народ не терпел такого поражения в войне, как Россия и русский народ". Последствия такой победы (читай: поражения) оказались для нас катастрофическими: "Ее, России, попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась..."⁴.

С эмоциями трудно спорить. Но послушаем исследователей, осмысляющих очередной, 50-летний, рубеж победы, не обошедших вниманием и подобные эмоции: "Перманентное изменение взглядов на историю Отечественной войны связано не только и не столько с открытием новой информации, но в большей степени с новыми эмоциями, которые рождала современность, или точнее — с политической конъюнктурой"⁵.

В постперестроечную эпоху эти тенденции заметно усилились. Стремясь поскорее разрушить и похоронить Советский Союз, заодно отпевали и русский народ, и всю его историю, в первую очередь достижения и победы советских лет, в том числе и литературу. Под это разрушительное критическое цунами подставили и русскую культуру, и православие, и русский национальный характер, и беспримерный подвиг народа в Великой Отечественной войне. Новоявленные "правдоискатели"-геростраты "стали оправдывать тех, кто верой и правдой, с оружием в руках служил фашистским захватчикам"⁶. И опять же под благородным предлогом: они, дескать, боролись "с коммунистическим тоталитаризмом", участвовали "в антисталинском сопротивлении". Однако адвокаты этих служак забывают, что освободительная война — не время для сведения счетов, что от рук эсэсовцев и полицаев-перебежчиков погибали наши отцы и деды, что они выжигали и расстреливали целые деревни, добавляя к сталинским жертвам сотни тысяч людей, не причастных к "коммунистическому тоталитаризму". По подсчетам доктора Оксфордского университета Е. Андреевой, "примерно миллион советских граждан служили в вермахте"⁷. Война, по мнению В. Ежова, "расколола общество на две полярные основные части"⁸; одержав победу, "мы вышли из войны ослабленными"⁹. Что же касается "раскола", то необходимо указать на его давнее происхождение (вспомним хотя бы междоусобицы), но особенно опасным был он в годы гражданской войны и в период насильственной коллективизации. Во время Великой Отечественной народ сжал зубы и объединился перед общим врагом, чтобы не погибнуть в рабстве.

От даты к дате цифры наших потерь стали неуклонно и давя-

ше нарастать, обретая астрономические масштабы. Вот краткая справка военного историка А. Кваши, но точка в ней не поставлена: "В концлагерях на оккупированной территории СССР от репрессий, голода и болезней погибли 3,9 млн. человек. На территории Польши были уничтожены 1,6 млн. советских военнопленных. Общая же их численность в западной литературе оценивается по-разному — 5,7 млн. человек... 6 млн. человек, в основном молодежь, были угнаны в фашистское рабство... Прямые потери нашего народа в годы войны — ориентировочно 26–27 млн. человек, косвенные — 22–23 млн. человек. Следовательно, 48–50 млн. жизней — это и есть цена нашей победы"¹⁰.

Так какой же итог и смысл таил в себе Акт о безоговорочной капитуляции Германии, подписанный Г. Жуковым в мае 1945 года? Наше торжество? Наше избавление от фашизма и нашу свободу? Нашу полноценную, действительную, Великую Победу? Или победу Пиррову, за которой последовали новые беды: ослабление, а потом и развал Советского Союза, разрушение экономической и военной структуры страны, отречение от идей справедливости, равенства и братства, угроза целостности оставшейся в одиночестве России? Быть может, победа отрезвила нас от утопических надежд, затемнила ореол передовых и ведущих, поставила нас на то место, с которого подняла нас революционная эйфория? Как бы там ни было, но итоги великой битвы подводятся не сразу, они напрямую зависят от того, как распорядится народ плодами своей победы или поражения в будущем.

Однако здесь возникает иной поворот темы, который нельзя не учитывать. Имеем ли мы право с нашим нынешним сознанием — весьма неустойчивым, почти апокалиптическим — ворошить историю, перекрашивать в черный цвет великий подвиг народа, светлый день Победы? Считать напрасными неисчислимы жертвы, лишения и страдания советских людей? Нельзя предавать то, что оплачено кровью, говорил А. Блок. Кошунственно упрекать оставшихся в живых послевоенными бедами и неудачами, взрывоопасным состоянием мира, тоталитаризмом и лагерями. На этом фоне многим кажется, что победа либо не убавила, либо прибавила нам роковых проблем. Но виноваты здесь мы сами, а не победа. А что было бы с русским народом, если бы победил фашизм? Что было бы с миром и Европой?

Возвращение к истинному смыслу Великой Победы, ощущение ее живого дыхания необходимо нам для возрождения, для собирания сил, для жизнотворчества. Она поможет нам, как всегда помогали решимость духа, воля и вера в благое, святое дело. "Возрождение и развитие России, — полагают Л. Вербиц-

кая и В. Пуляев, — в значительной мере обусловлено бережным отношением к тем национальным традициям, которые показали свою жизненность в годы Великой Отечественной войны и привели нас к Победе в 1945 году"¹¹. В преддверии 60-летия Победы нелишне будет еще раз обратиться к тем живительным источникам, которые питали нашу стойкость, достоинство и самопожертвование, о которых мы почти забыли или охаяли их в эти кризисные годы. Иначе новый вал мазохизма, черноты и разочарований опрокинет наш пока неустойчивый российский корабль. "Вот сейчас грядет 60-летие Победы, боюсь, опять нам будут рассказывать о том, как мы своими трупами немцев заваливали", — откровенно признается кинорежиссер В. Меньшов¹².

Да, "заваливали", но на святом пути к Победе. Падали, но на собственный рост вперед — к миру и свободе, освобождая при этом и другие народы. Погибали, умирали, но "ради жизни на земле". И в этом для нас главный смысл, главная правда войны и Победы...

¹ Нагибин Ю. По законам военного времени // Новый мир. 1985. № 5. С. 44.

² Круглин В. Присягая на верность отечеству... // Там же. С. 158.

³ Генатулин А. Ответ на вопросы анкеты "Во имя жизни на земле" // Вопросы литературы. 1985. № 5. С. 45.

⁴ Астафьев В. Письмо к В. Кондратьеву от 28.12.87 // Вопросы литературы. 1995. Вып. 1. С. 286.

⁵ Ежов В. А. Народ и война: Некоторые проблемы и тенденции их изучения // Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 317–318.

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Там же. С. 325.

⁹ Там же. С. 334.

¹⁰ Кваша А. Цена победы // Советская культура. 1988. 3 сент. № 106.

¹¹ Вербицкая Л., Пуляев В. Слово к читателю // Народ и война: 50 лет Великой Победы. С. 10.

¹² Меньшов В. Но ты, художник, твердо веруй!: Круглый стол "ЛГ" // Литературная газета. 2004. 15–21 дек. № 50. С. 3.

Д. А. Чугунов

**ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ВОСПОМИНАНИЯМИ О ВОЙНЕ?
(Из новейшей немецкой литературы)**

Познание и объяснение событий XX века невозможны без понимания многообразия индивидуальных "языков", на которых